

Сергей Наумов

22 июня над границей

Сергей Наумов

22 июня над границей

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160030

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников.

Сергей Наумов

22 июня над границей

* * *

Устьянцеву снилась рыбалка. Затянутые ряской берега, деревня за холмом, небо в причудливых курчавых облаках. И тишина. И вдруг по этой тишине ударили барабаны. Бум! Бум! – гремело где-то совсем рядом.

Устьянцев с трудом разомкнул веки и, приподняв голову, тяжело уронил ее на подушку. Был тот час раннего утра, когда лучше всего спится. Особенно в двадцать один год. Барабаны продолжали стучать. Сигнал тревоги проник в сознание позже. Он прозвучал привычно, властно и прогнал сон. Но и вскочив с койки, Устьянцев слышал удары в гигантский барабан. Он взглянул в окно и увидел кусок неба, голубого с черным. Черное быстро расползлось на голубом, пожирало его. И Устьянцев понял – бомбят ложный аэродром.

"Успеть бы подняться в воздух, – мелькнула мысль, – там мы повоюем!.."

Аэродром уже несколько дней жил жизнью пограничной заставы. Не было только "тревожных групп", зато в каждой машине по три боекомплекта патронов. В любую минуту – взлет.

Устьянцев бросил послушный "ЛаГГ" на предельную высоту. Ему хотелось увидеть землю широко, до самой границы. И он увидел ее. С зелеными квадратами полей и белыми рассыпанными крупинками домиков. Светло-зеленые, уже подсвеченные солнцем клинья лесов виделись сквозь белесую дымку. Горело в нескольких местах. Там, где был ложный аэродром, бушевал пожар.

– "Сокол"! "Сокол"! – услышал в наушниках Устьянцев. – Используйте облачность для внезапной атаки. Облачность для внезапной атаки.

С запада плыли облака. Клубчатые белые шары. "Где же фашисты?" Устьянцев видел небольшие стайки краснозвездных истребителей своего полка. Они шли на разных высотах по направлению к границе. Что-то похожее на радостный испуг испытывал Устьянцев, оглядывая небо. Будет бой! Первый настоящий бой с фашистами. С теми, кто бомбил Мадрид и Абиссинию. Он давно мечтал с ними рассчитаться за все. И за испанскую девочку, которую он видел на большой фотографии плаката. Какие у нее были глаза! Она смотрела в небо, и в них был ужас. Что она увидела там? Ему тогда было пятнадцать лет. Ей было не больше семи. Она видела то, что он должен будет увидеть сейчас.

И он увидел то, что видела испанская девочка. Сначала ему показалось, что это летят вороны. Так много их было. Но они летели слишком высоко для птиц. Когда расстояние уменьшилось, Устьянцев различил знакомые по рисункам и

фотографиям силуэты "Юнкерса-88". Он попытался сосчитать вражеские машины и сразу же сбился.

– "Сокол"! Используйте облачность! Атаковать по сигналу! – услышал Устьянцев голос командира. Голос звучал спокойно.

"ЛаГГ" Устьянцева врезался в большое белое облако, и кабину охватили полумрак и сырость.

Устьянцев знал, что пробудет в полумраке не больше минуты, и приготовился к бою. Он прижмурился и потом взглянул вниз. Вражеские самолеты теперь шли под ним группами по пять машин.

Устьянцев направил "ЛаГГ" на лидера – черный в крестах "Юнкерс" – и, не выжидая ни секунды, сразу открыл огонь. Пули секущим потоком ударили по плоскости вражеской машины. "Юнкерс" завис в воздухе, клюнул несколько раз носом, словно раздумывая, падать ли ему, и вдруг резко накренился на крыло и стремительно пошел вниз.

Устьянцев взмыл вверх, сделал вираж и снова оказался над строем фашистских машин.

"Где же наши? – с беспокойством размышлял Устьянцев. – Пора им быть". Он видел пульсирующие струйки пламени почти на всех вражеских самолетах. Это стреляли по нему.

Устьянцев растерялся. Он думал, что расстроит боевой порядок врага, сбив головной самолет, что, возможно, кто-то из фашистов полезет за ним на высоту в драку. Но этого

не случилось. Строй вражеских машин оставался безукоризненно правильным, а непрерывающийся огонь из пулеметов заставил Устьянцева подняться еще выше.

Он оглядел небо и заметил ниже себя карусель из нескольких самолетов.

"Пока я набирал высоту и уходил в облачность, нашим пришлось вступить в бой с истребителями. Конечно же "юнкерсы" шли под прикрытием. Так было в Испании, во Франции. Так было над Англией. Так было везде. И у нас они не изменили себе. Значит, я один. А их?.. Сколько же их?"

Устьянцев насчитал пять клиньев. Двадцать пять машин. Нет, теперь двадцать четыре. Ведь один он уже сбил.

"Несмотря на сильный обстрел, нужно атаковать. Устьянцев нырнул в огненную стену. Самолет рвануло. Что-то ударило по нему сильно и резко.

Устьянцев похолодел: "Сейчас они поймают меня в двадцать четыре прицела, и тогда..."

Обожгло ногу. Разлетелся вдребезги фонарь кабины. Сотни свинцовых ос терзали самолет Устьянцева. Он продолжал мчаться вниз, прямо на головную машину второй пятерки. Длинной очередью Устьянцев достал левый мотор "юнкерса". Было видно, как пламя растекается дальше по плоскости, льнет к его кабине.

"Нужен еще один, и тогда... А что тогда?"

Едва Устьянцев успел подумать о третьем "юнкерсе", как по фюзеляжу ударило с такой силой, что вырвалась ручка

управления. И сразу заныла нога.

"Ранен!" – мелькнуло в голове.

Он выровнял машину и попытался уйти на высоту.

Под ним разорвался снаряд. Устьянцев чувствовал, как "ЛаГГ" теряет скорость. Летчик посмотрел вниз и увидел, как от первой пятерки отделились два "юнкерса" и устремились вверх.

"Они догадались, что мой самолет поврежден, и хотят добить. Я не могу уйти от них, у меня нет скорости".

Облака плыли с запада. Они были внизу. А наверху, словно гигантская электрическая лампа, сияло солнце.

Устьянцев продолжал набирать высоту. Две вражеские машины неотступно следовали за ним. Летчик взглянул на высотомер. Скоро "потолок". Машина начнет проваливаться.

Устьянцев подумал, что не имеет права сейчас погибнуть. Нужно вернуться в полк. Началась война. Она не будет короткой. Он еще не совсем понимал – почему. Но щемящее чувство тревоги, возникшее в начале боя, когда он увидел клинья вражеской эскадрильи, не проходило. Фашисты начали войну хладнокровно, уверенно, словно знали что-то такое об этой войне, чего не знал Устьянцев. Он сбил две машины, и это можно назвать победой. Нет.

Если он выживет сейчас, тогда только это будет победа. Нужно прижаться к земле. Для этого придется еще раз пройти сквозь плотный огонь.

Устьянцев медленно развернул самолет навстречу "юнкерсам", прибавил обороты мотору, прильнул к прицелу и пошел точным прямым курсом в лоб первого вражеского самолета. Фашист понял Устьянцева и резко отвернул машину. Она чуть запрокинулась и подставила пулемету Устьянцева серое бронированное брюхо. Устьянцев ударил по хвосту длинной очередью и увидел, как пули рванули обшивку плоскости "юнкерса". Он никогда раньше не видел такого. Светлые брызги разлетались фонтанчиками там, куда попадали пули, – точно мощные невидимые сверла, внезапно приставленные к плоскостям самолета, заработали разом по чьей-то команде.

Внезапно Устьянцев почувствовал головокружение. От перегрузок, напряжения и потери крови перед глазами запрыгали разноцветные круги. Сквозь них просвечивало оранжевое солнце.

Раненая нога онемела. Через разбитый фонарь в кабину врывался ветер. Самолет сильно встряхивало, и казалось, что вот-вот он весь развалится. Стрелки свободно метались на доске приборов.

Все это Устьянцев видел и чувствовал будто сквозь сон. Реальным был только ветер. Он давил на лицо мягкой упругой ладонью, мешал дышать. Резкий, свежий, он помог вернуться сознанию.

Круги исчезли, и Устьянцев различил второй "юнкерсе". Фашист заходил сбоку, готовясь добить скользящий к земле

истребитель. Две пульсирующие струи протянулись от "юнкерса". Одна прошла над головой Устьянцева, другая резанула по фюзеляжу и породила маленькое голубоватое пламя.

Все же Устьянцев еще чувствовал устойчивость машины: мотор с упрямой силой уносил его от фашиста. Из левой плоскости, изрешеченной пулями, валил дым. Самолет то и дело "нырял". Устьянцев с трудом восстанавливал равновесие. Ветер срывал с плоскости вытекшее масло и забрасывал его в кабину. Земля приближалась. "Парашют", – вспомнил Устьянцев и тут же прогнал эту мысль. "ЛаГГ" еще подчинялся ему. "Юнкерс" не отставал, держа горящую машину Устьянцева как на привязи. Немецкий летчик хотел убедиться в его гибели. Еще две пулеметные трассы коснулись нашего истребителя. Устьянцев ощутил тупой удар в грудь. Боль сковала все тело.

* * *

"ЛаГГ" сорвался в штопор. "Юнкерс" сделал плавный вираж и устремился на восток.

Штопор спас машину. Он не дал разгореться огню. Сильный встречный поток воздуха загасил пламя, и теперь, обожженный и прошитый пулями насквозь, с обгорелыми ребрами шпангоутов, истребитель тащился в сотне метров от земли, готовый ежесекундно свалиться камнем на черные, вспаханные квадраты полей.

У летчика еще хватило сил выпустить шасси и перекрыть подачу горючего в мотор. "ЛаГГ" коснулся земли и, пробежав с десятков метров, медленно остановился и замер.

Устьянцев сидел в кабине неподвижно, выпрямившись от боли. Правая рука намертво вцепилась в ручку управления. Он сидел, прямой и напряженный, с закрытыми глазами, но все в нем уже чувствовало землю. Она нахлынула на него острыми утренними запахами, дыханием деревьев, влажной прохладой рек и озер, горьковатым дымом проснувшихся деревень. Он узнал и отличил эти запахи от множества других, окружавших его. Он слушал язык земли, снова увидел себя на рыбалке мальчиком. И снова пил тишину из бездонного небесного омута.

И кровь его медленно и незаметно выталкивалась из трех его ран и собиралась в струйки, и потом скатывалась в пробитые пулями отверстия под ногами, и красным мелким дождем падала на землю, и смешивалась с каплями росы.

Спокойствие земли поднималось к летчику, он открыл глаза и увидел свой аэродром, с которого взлетел утром.

А в небе продолжали разноситься позывные: "Сокол"! "Сокол"! Где вы? Отвечайте! "Сокол"! Приказ – возвращаться на аэродром. Возвращаться! Возвращаться!"